

Проблемы формирования многополярной финансовой системы в условиях централизации глобального капитала

А.В. Кузнецов

Финансовый университет,
Москва, Россия

<https://orcid.org/0000-0003-3669-0667>

АННОТАЦИЯ

Предмет. Активная транснационализация американского бизнеса после окончания Второй мировой войны стала возможной благодаря созданию американоцентричного каркаса мировой валютно-финансовой системы. США и Великобритания стали лидерами финансовой глобализации благодаря монополизации функций глобального финансового посредничества и созданию институциональных барьеров в доступе других стран к международной ликвидности. При формальном невмешательстве во внутренние дела суверенных государств они фактически поставили последние в зависимость от деятельности неформальных институтов (американских рейтинговых агентств, англосаксонских офшорных центров, англо-американского права и др.), определяющих правила доступа суверенных игроков к мировым финансовым ресурсам. Такое положение вещей является существенным препятствием для создания многополярной валютно-финансовой системы.

Цели. Выявление институциональных особенностей централизации глобального капитала на современном этапе развития процессов финансовой глобализации и определение возможностей Китая как потенциального лидера мировой экономики в создании системного противовеса англосаксонскому доминированию в мировой валютно-финансовой системе.

Методология. Исследование базируется на диалектическом подходе. При проведении исследования были использованы системный, институциональный подходы и метод сравнительного анализа.

Результаты. Активное включение Китая в глобальную цепочку создания добавленной стоимости повлекло за собой комплексное изменение в глобальном балансе сил, ослабившее международное влияние США. Однако увеличение влияния Китая в мировой экономике пока не нашло должного отражения в системе международных экономических и финансовых институтов, в которых доминирующие позиции продолжают принадлежать странам Запада.

Выводы. Институциональные реформы Группы двадцати по возвращению мировой экономики на путь уверенного, устойчивого, сбалансированного и инклюзивного роста являются не вполне адекватными, поскольку практически не учитывают возросшей экономической и финансовой роли наиболее динамично развивающихся стран. Подобное игнорирование интересов и значимости развивающихся стран (БРИКС, ЕАЭС) требует разработки альтернативных подходов регулирования мировой валютно-финансовой системы на региональном и межрегиональном уровнях.

Ключевые слова: международные финансовые центры; международные кредитные рейтинги; центр-периферийная модель; финансовая глобализация; Китай; паназиатские финансовые институты, Группа двадцати, БРИКС

Для цитирования: Кузнецов А.В. Проблемы формирования многополярной финансовой системы в условиях централизации глобального капитала. *Мир новой экономики*. 2019;13(2):70-79. DOI: 10.26794/2220-6469-2019-13-2-70-79

Problems of Formation of a Multipolar Financial System under the Centralization of Global Capital

A.V. Kuznetsov

Financial University, Moscow, Russia
<https://orcid.org/0000-0003-3669-0667>

ABSTRACT

Topic. The active transnationalisation of the U.S. business after the end of the Second World War became possible thanks to the creation of the American-centric framework of the world monetary and financial system. The U.S. and the United Kingdom have become leaders in financial globalisation by monopolising global financial intermediation and creating institutional barriers to other countries' access to international liquidity. With formal non-interference in the

internal affairs of sovereign states, they made the latter dependent on the activities of informal institutions (American rating agencies, Anglo-Saxon offshore centres, Anglo-American law, etc.) that determine the rules of access of sovereign countries to world financial resources. Such a state of affairs is a significant obstacle to the establishment of a multipolar monetary and financial system.

Purpose. The purpose of author's research was the identification of the institutional features of the centralisation of global capital at the present stage of development of financial globalisation processes and identification of China's potential, as a leader of the global economy, in creating a systemic counterweight to Anglo-Saxon domination in the global monetary and financial system.

Methodology. The author based his study on a dialectical approach, the systemic, institutional approaches, and the method of comparative analysis.

Results. The active inclusion of China in the global value chain has led to a complex change in the global balance of power mirrored by weakening US international influence. However, the increasing influence of China in the global economy has not yet been adequately reflected in the system of international economic and financial institutions, in which the dominant positions continue to belong to Western countries.

Conclusion. The institutional reforms undertaken by the G-20 aimed at bringing the world economy back to the path of healthy, sustainable, balanced and inclusive growth are not quite adequate since they practically do not take into account the increased economic and financial role of the most dynamically developing countries. Such disregard for the interests and importance of developing countries (BRICS, EAEU) requires the elaboration of alternative approaches to regulating the global monetary and financial system at the regional and interregional levels.

Keywords: international financial centers; international credit ratings; center-peripheral model; financial globalization; China; Pan-Asian financial institutions; G20; BRICS

For citation: Kuznetsov A.V. Problems of formation of a multipolar financial system under the centralisation of global capital. *Mir novoj ekonomiki = World of the New Economy*. 2019;13(2):70-79. DOI: 10.26794/2220-6469-2019-13-2-70-79

АНГЛОСАКСОНСКИЙ ФИНАНСОВЫЙ КЛАСТЕР

Глобальное доминирование США после Второй мировой войны было обусловлено не столько производством американских ТНК, продукция которых очень скоро столкнулась с жесткой конкуренцией европейских и японских производителей, сколько использованием доллара США как ключевой резервной валюты другими странами [1]. Продвижение доллара США как основной валюты мировых расчетов, депозитов и займов достигалось за счет Бреттон-Вудских институтов (МВФ, Всемирного банка и ГАТТ/ВТО), регулирующих международные валютные, кредитные и торговые отношения. И хотя обращение доллара как резервного актива очень скоро привело к устойчивым дисбалансам международной торговли, США продолжали навязывать его другим странам за счет своего военного превосходства [2].

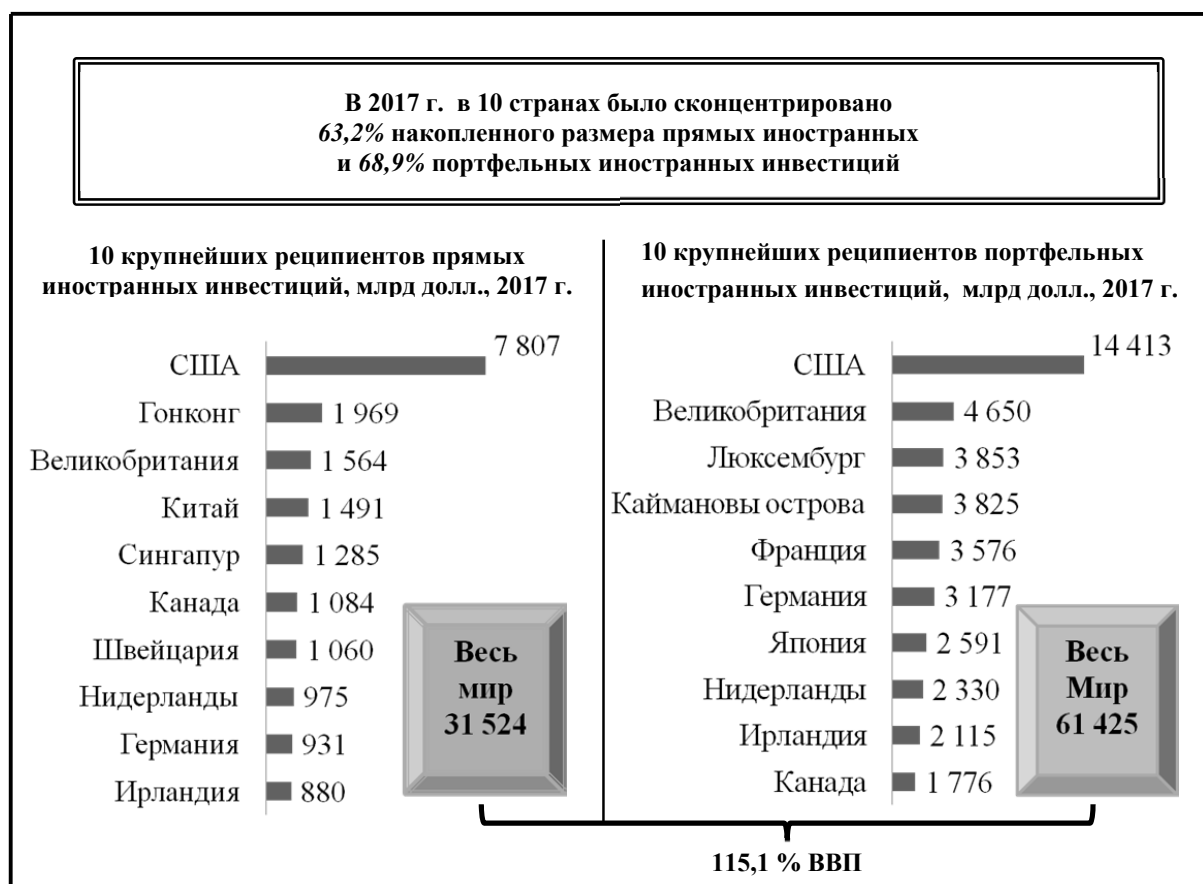
После снятия ограничительных положений Бреттон-Вудской системы (золотого обеспечения доллара, контроля движения капиталов, фиксированных курсов валют) глобальная мультипликация доллара стала осуществляться посредством неформальных институтов мирового финансового рынка [3]. С начала 1980-х гг. в мире восторжествовала парадигма финансового капитализма [4, с. 26], в рамках которой реальный сектор экономики по всему миру стал испытывать

острую нехватку финансовых ресурсов, контроль над которыми отныне перешел к международным финансовым центрам, главным образом — Нью-Йорка и Лондона. Особенно негативно это отобразилось на странах Восточной и Юго-Восточной Азии, которые, благодаря проведению промышленной политики, стали вытеснять своих западных конкурентов с мирового рынка и претендовать на паритетное участие в мировой валютно-финансовой системе [5].

Подчеркнем, что централизации финансового капитала современная мировая финансовая система во многом обязана англосаксонским финансовым инновациям — таким, как монополия на денежную эмиссию, фондированный долг, золотой, золотодевизный, золотодолларовый и бумажно-валютный стандарты, офшорные финансовые центры, рынок евродолларов, международные стандарты финансовой отчетности и др. [6, с. 83].

Среди крупнейших метрополий Англия первая централизовала свою финансовую систему, учредив Банк Англии (1694 г.), по образцу которого впоследствии была создана Федеральная резервная система США (1913 г.). Первая международная финансовая организация — Банк международных расчетов (БМР) — возникла в 1930 г. также по британской инициативе, хотя большая часть капитала БМР была предоставлена со стороны американской финансовой группы «Джи Пи Морган энд компани» [7, с. 283]. Сегодня Пред-

Централизация глобального капитала / Centralization of global capital

Источник / Source: составлено по данным: UNCTAD. World Investment Report 2018. URL: https://unctad.org/en/PublicationsLibrary/wir2018_en.pdf (дата обращения: 01.04.2019); IMF. Coordinated Portfolio Investment Survey. URL: <http://data.imf.org/?sk=B 981B 4E 3-4E 58-467E-9B 90-9DE 0C 3367363> (дата обращения: 01.04.2019) / compiled from data: UNCTAD. World Investment Report 2018. URL: https://unctad.org/en/PublicationsLibrary/wir2018_en.pdf (accessed on 01.04.2019); IMF. Coordinated Portfolio Investment Survey. URL: <http://data.imf.org/?sk=B 981B 4E 3-4E 58-467E-9B 90-9DE 0C 3367363> (accessed on 01.04.2019).

седатель Совета управляющих ФРС США занимает постоянное место в Совете директоров БМР.

США принадлежит крупнейшая доля в капиталах других наиболее значимых международных финансовых институтов, включая Всемирный банк, МВФ, Межамериканский банк развития, ЕБРР, Азиатский банк развития (США имеют равную с Японией долю капитала). Три самые влиятельные агентства кредитных рейтингов мира — Standard & Poor's, Moody's, Fitch — имеют американское происхождение. В декабре 2017 г. совокупная доля этих агентств на мировом кредитном рынке составила 96,4%, что даже выше, чем в предкризисный период [8, р. 20]. Международный рынок капиталов является открытым для всех суверенных государств и их компаний. Однако без получения рейтингов от (минимум) двух из трех вышеуказанных агентств ни частная компания, ни суверенное государство не может взять займы на мировом финансовом рынке — таков механизм рей-

тинговой олигополии [9]. Чем выше рейтинг, тем ниже стоимость заимствования и тем сильнее финансовое превосходство. В отличие от большинства стран мира, относящихся к финансовой периферии, правительство США имеет наивысший кредитный рейтинг от двух из трех агентств*. Это означает, что доходность долговых обязательств и других финансовых инструментов США ниже доходности долговых обязательств стран периферии. Увеличивая спрос стран периферии на международные займы, выраженные в долларах, и инвестируя в долговые инструменты этих стран, США получают огромные прибыли на разнице ставок процента, образующихся в результате деятельности кредитных рейтинговых агентств [10, с. 12].

* США пользовались наивысшим кредитным рейтингом («AAA» / «Аaa») от всех трех агентств (Fitch, Moody's и S & P) с момента их признания как стандартов Комиссией по ценным бумагам и биржам в 1975 г. до августа 2011 г., когда агентство S & P понизило свой рейтинг на одну ступень с AAA до AA+.

Аналогичным образом Великобритания выступает местом размещения самого большого числа головных офисов и филиалов крупнейших транснациональных банков и компаний. Товарные биржи Лондона формируют мировой уровень цен на драгоценные и цветные металлы — серебро, золото, медь, алюминий, никель, цинк, свинец, олово. Каждый день в Лондоне рассчитывается наиболее значимая в мире финансов ставка процента — ЛИБОР. Эта ставка служит основной для начисления процентов по огромному числу финансовых продуктов оценочной стоимостью в сотни триллионов долларов — от синдицированных и ипотечных кредитов до проектов государственно-частного партнерства. Кредитование под ставку ЛИБОР в начале 1980-х гг. вызвало долговой кризис в развивающихся странах, в результате которого последние превратились в хронических должников транснациональных банков [11, с. 222].

По мнению американского финансиста Дж. Сороса, мировой финансовый рынок функционирует по модели «центр-периферия». Вот как Сорос описал эту модель: «Финансовые рынки „всасывают“ большую часть сбережений и прибыли, создаваемых во всем мире, перекачивают их в центр, откуда они затем вновь отправляются на периферию либо непосредственно через финансовые инструменты вроде акций и облигаций, либо опосредованно через транснациональные корпорации» [12]. С точки зрения Сороса, центром мирового финансового рынка выступают Нью-Йорк и Лондон, где совершается наибольшее в мире число международных финансовых сделок, а также офшорные зоны — место концентрации наиболее активных и мобильных финансовых капиталов [13]. Наглядным подтверждением функционирования модели «центр-периферия» является то, что сегодня главными реципиентами глобального финансового капитала выступают США и Великобритания, а также тесно связанные с ними офшорные юрисдикции (см. рисунок).

Особое место в централизации финансового капитала принадлежит Гонконгу, который в 2017 г. вышел на вторую позицию в мире по накопленному объему прямых иностранных инвестиций. С 1842 г. Гонконг был английской колонией. После получения независимости от Великобритании в 1997 г., согласно британско-китайской декларации, Гонконг в течение 50 лет после передачи суверенитета сохраняет автономию от Китая во всех сферах, кроме обороны и внешней политики. Фактически это означает, что до 2047 г. экономическая и финансовая система Гонконга продолжает функционировать по англосаксонской

модели. Следует отметить, что Гонконг выступает крупнейшим иностранным инвестором в Китай, на долю которого приходится 70% от общего объема прямых иностранных инвестиций, направляемых в китайскую экономику (<http://english.mofcom.gov.cn/article/statistic/foreigninvestment/>). В свою очередь, в пятерку крупнейших иностранных инвесторов в Гонконг, помимо Китая и Нидерландов, входят три британские заморские территории — Британские Виргинские острова, Каймановы острова и Бермуды, доля которых в совокупном объеме входящих ПИИ в Гонконг в 2017 г. составила 45% (https://www.censtatd.gov.hk/hkstat/sub/sp260.jsp?productCode=B_1040003). Таким образом, Гонконг выступает крупнейшим англосаксонским офшорным центром в Азии.

Особенностью централизации глобального капитала является также то, что в наследство от Британской империи Соединенному Королевству перешел юридический контроль над множеством небольших островных государств, превратившихся в последней четверти XX в. в ведущие офшорные финансовые центры. На этих территориях сконцентрированы значительные финансовые активы частных юридических и физических лиц. В опубликованном в марте 2019 г. 25-й рэнкинге индекса глобальных финансовых центров (ИГФЦ) значилось девять таких территорий — Каймановы острова, Бермудские острова, Джерси, Маврикий, Британские виргинские острова, Гернси, Гибралтар, Остров Мэн, Багамские острова (см. таблицу).

Совокупные размеры ВВП и населения девяти британских офшорных юрисдикций едва превышают соответственно 0,1 и 0,01% от мировых показателей. Тем не менее место каждой из них в рэнкинге выше, чем, например, место Москвы. Места в рэнкинге ИГФЦ, составляемого на основе экспертных оценок, не всегда соответствуют долям финансовых центров в мировом экспорте финансовых услуг, которые рассчитаны на основе данных статистики платежного баланса и международной инвестиционной позиции МВФ. Поэтому более целостную картину значимости этих территорий в мировом финансовом посредничестве возможно получить при помощи индекса финансовой секретности (ИФС), составляемого компанией *Tax Justice Network*. Юрисдикции с наивысшими показателями секретности непрозрачны в проводимых ими операциях, меньше вовлечены в обмен информацией с другими национальными органами и меньше подчиняются международным нормам, касающимся борьбы с отмыванием денег. Отсутствие прозрачности и нежелание участвовать в эффективном обмене информацией делает секретные юрисдикции более

Сопоставление показателей некоторых мировых финансовых центров /
Comparison of indicators of selected global financial centers

Финансовый центр / Financial centre	Место в рейтинге ИГФЦ (март 2019 г.) / GFCI ranking (march 2019)	Место в рейтинге ИФС (2018 г.) / Financial Secrecy Index ranking (2018)	Доля в мировом экспорте финансовых услуг (2017 г.), % / Share in global export of financial services (2017), %	Доля в мировом ВВП (2017 г.), % / Share in global GDP (2017), %	Доля в численности населения мира (2017 г.), % / Percentage of world population (2017), %
Нью-Йорк / New York	1	2*	22,30	24,0*	4,3*
Лондон / London	2	23*	17,37	3,3*	0,9*
Гонконг / Hong Kong	3	4	4,17	0,4	0,1
Сингапур / Singapore	4	5	4,58	0,4	0,08
Пекин / Beijing	5	28*	0,51*	15,2*	18,4*
Каймановы острова ^а / Cayman Islands	21	3	3,79	0,0042	0,0009
Бермудские острова ^а / Bermuda	25	36	0,04	0,0071	0,0009
Джерси / Jersey	47	18	0,38	–	0,001
Маврикийс / Mauritius	54	49	0,02	0,02	0,02
Британские Виргинские острова ^а / British Virgin Islands	72	16	0,38	–	0,0004
Гернси / Guernsey	75	10	0,52	–	0,0008
Гибралтар ^а / Gibraltar	80	83	0,00	–	0,0004
Остров Мэнб / Isle of Man	84	42	0,09	0,0083	0,001
Багамские острова ^а / Bahamas	85	19	0,04	0,02	0,005
Москва / Moscow	88	29*	0,26	2,0*	1,9*

^а Британские заморские территории / British Overseas Territories.

^б Коронные земли / Crown dependencies.

^с Территория Британского Содружества, окончательным апелляционным судом которой является Судебный комитет Тайного совета в Лондоне / British Commonwealth territory, whose final court of appeal is the Judicial Committee of the Privy Council in London.

^д Британский монарх – официальный глава государства / British monarch – the official head of state.

* Данные приведены для страны / Data is given for the country.

¹ – 2013 г., ² – 2006 г., ³ – 2016 г. / ¹ – 2013, ² – 2006, ³ – 2016.

Источник / Source: составлено по данным: The Global Financial Centres Index 25. URL: <https://www.longfinance.net/publications/long-finance-reports/the-global-financial-centres-index-25/> (дата обращения: 01.04.2019); Tax Justice Network. Financial Secrecy Index 2018. URL: <http://www.financialsecrecyindex.com/PDF/FSI-Methodology.pdf/> (дата обращения: 01.04.2019); The World Bank. URL: <https://data.worldbank.org/indicator> (дата обращения: 01.04.2019) / compiled from data: The Global Financial Centres Index 25. URL: <https://www.longfinance.net/publications/long-finance-reports/the-global-financial-centres-index-25/> (accessed on 01.04.2019); Tax Justice Network. Financial Secrecy Index 2018. URL: <http://www.financialsecrecyindex.com/PDF/FSI-Methodology.pdf/> (accessed on 01.04.2019); The World Bank. URL: <https://data.worldbank.org/indicator> (accessed on 1.04.2019).

привлекательным местом для маршрутизации незаконных финансовых потоков и сокрытия доходов от преступной и коррумпированной деятельности.

Английская королева является официальным главой государства на британских заморских территориях и коронных землях, а это означает, что местные законы должны быть одобрены в Лондоне. На британскую корону также возлагаются полномочия по назначению ключевых государственных чиновников. Поэтому ответственность за секретность проведения финансовых операций на этих территориях лежит на Соединенном Королевстве.

Таким образом, позиции финансовых центров в глобальном рэнкинге не зависят от размера ВВП, территории или населения, а определяются исключительно принадлежностью к англосаксонскому финансовому кластеру, оперирующему в англо-американской юрисдикции.

Следует подчеркнуть, что чрезвычайная популярность англо-американского права при заключении международных финансовых сделок обуславливает особое положение США и Великобритании в процессах финансовой глобализации. Рынок международных юридических услуг находится практически под полным англосаксонским контролем. Из 100 крупнейших транснациональных юридических компаний 90 ведут свое происхождение из США и Великобритании, включая такие, как Baker & McKenzie, DLA Piper, Clifford Chance, Allen & Overy, Norton Rose Fulbright, Linklaters, CMS, Dentons, Jones Day. Эти компании играют важную роль в проведении судебных расследований, инициируемых транснациональными компаниями против правительств принимающих стран. Инструментом оспаривания правительственных решений выступают двусторонние инвестиционные соглашения, заключаемые правительствами США и Великобритании с целью создания эффективного механизма разрешения коммерческих споров для своих транснациональных компаний. При этом около двух пятых всех арбитражных дел ведется в рамках английского общего права (<https://www.thecityuk.com/assets/2018/Reports-PDF/86e1b87840/Legal-excellence-internationally-renowned-UK-legal-services-2018.pdf>). Развивающиеся страны и страны с формирующимися рынками в 95 из 100 случаев выбирают англо-американское право для регулирования эмиссии своих международных долговых обязательств [14, p. 41]. Такой выбор обусловлен, главным образом, требованиями кредиторов, которые чувствуют себя защищенными в случае необходимости обжалования действий правительств-заемщиков в коммерческих судах.

Следовательно, англо-американское право можно считать неким подобием инновационного «производительного» фактора, за счет которого США и Великобритания обеспечивают постоянный рост своих доходов в мировой финансовой системе. Финансовый и экономический кризис 2008–2009 гг. открыл перед англосаксонскими юридическими фирмами новую возможность — упрочить позиции англо-американского финансового капитала на длительную перспективу путем разработки наднационального законодательства, которое обеспечит его проникновение в сферы, традиционно зарезервированные за суверенными государствами.

Следует подчеркнуть, что инициатива организации саммитов Группы двадцати для обсуждения последствий мирового финансового кризиса на уровне глав государств принадлежала Соединенному Королевству и Франции. Причем первые три саммита прошли на территории США и Великобритании (Вашингтон, Лондон, Питтсбург), где были приняты главные политические решения и оглашена повестка дня по созданию системы наднационального финансового мониторинга и регулирования. На лондонском саммите на базе Банка международных расчетов была создана новая международная финансовая организация — Совет по финансовой стабильности (СФС). В полномочия этой организации входят разработка международных стандартов деятельности финансовых рынков и контроль над их исполнением на наднациональном уровне. По сути, СФС сформировал четвертую опору глобальной финансовой системы, получив исключительный мандат на координацию и мониторинг действий национальных финансовых институтов и органов, осуществляющих финансовый надзор [15].

Однако, несмотря на включение в работу Группы двадцати развивающихся стран, система управления МВФ подверглась лишь косметической реформе, принципы Бреттон-Вудской системы международного резервирования не были пересмотрены, а доллар США сохранил за собой статус основной резервной валюты. Группа двадцати так и не приняла два ключевых решения по стабилизации мирового экономического развития — восстановление контроля над движением капитала и регулирование системы плавающих валютных курсов [16]. Вопреки декларациям Группы двадцати о паритетном разделении выгод и издержек глобализации, парадигма саморегулируемых рынков, утверждающая главенствующее положение финансовых рынков в мировой экономике, не претерпела существенных изменений.

ПОЗИЦИИ КИТАЯ В МИРОВОЙ ЭКОНОМИКЕ

Многополярность подразумевает, что любое государство вправе образовывать собственные региональные валютные и экономические зоны, осуществлять торговлю и создавать валютные пулы в любых валютах, подписывать региональные экономические и финансовые соглашения, сотрудничать с другими странами в рамках вновь созданных международных финансовых институтов. Многополярность не сопоставима с экономической диктатурой или принуждением к принятию того или иного решения с помощью использования неэкономических инструментов воздействия (например, санкций) в отношении «инакомыслящих» стран. Многополярность делает акцент на повышении роли государственного контроля и регулирования в отстаивании странами своих экономических и финансовых интересов на мировой арене, поощряет экономическую регионализацию в рамках процессов глобализации [17, р. 6]. Локомотивом движения мировой экономики к многополярности выступает Китай.

За 37 лет проведения политики реформ и открытости размер китайской экономики в номинальных рыночных ценах увеличился в 60 раз. В послевоенный период доля Китая в мировой торговле возросла с 0,9% в 1948 г. до 13,2% в 2017 г. Соответствующая доля США в это время снизилась с 22 до 9%. В целом в 2017 г. доля Азии в мировой торговле и в мировом ВВП составляла 34 и 35% соответственно, что было связано главным образом с ростом внутрирегиональной торговли и инвестиций.

Данные достижения пока очень слабо отражаются на возможностях КНР влиять на процессы принятия решений в ключевых международных финансовых и экономических организациях. Практически неизменной остается процедура принятия решений в Бреттон-Вудских институтах. Как и прежде, главой МВФ выступает гражданин Европы, в то время как Всемирный банк возглавляет американец. Размер китайской экономики в рыночных ценах в три раза превышает размер экономики Японии или совокупный размер экономик Великобритании и Франции, однако доля голосов этих стран в управляющих органах МВФ выше соответствующей доли КНР. Следует напомнить, что в отличие от других международных организаций системы ООН, которые принимают решения по принципу «одна страна — один голос», МВФ и Всемирный банк созданы в форме акционерных обществ, капиталом которых владеют государства-члены. Принятие решений по наиболее важным

вопросам, включаемым в повестку дня МВФ и Всемирного банка, требует набора квалифицированного большинства голосов — 85%. В результате проведения реформы квот и голосов МВФ, длившейся более пяти лет, группе стран БРИКС было отказано в праве вето, для получения которого требуется 15% голосов. Как и до реформы, единственной страной, наделенной таким правом в МВФ, продолжают оставаться США.

Членство Китая в Азиатском банке развития также можно считать неполноценным, поскольку его по традиции возглавляет японец. Китай не представлен и в Международном энергетическом агентстве, хотя и является наибольшим потребителем энергии в мире.

С учетом усиления позиций Азии в мировой экономике, создание паназиатской системы международных финансовых и экономических организаций с ведущей ролью Китая выглядит вполне обоснованным и закономерным. Спрос на такие институты возник уже во время Азиатского финансового кризиса, от которого больше всего пострадали экономики Индонезии, Южной Кореи и Таиланда. Стремление МВФ навязать этим странам стабилизационные макроэкономические программы, выявившие ранее свое пагубное воздействие на экономики Латинской Америки, натолкнулось на решительное противодействие со стороны правительств азиатских государств. Необходимость в формировании собственных стабилизационных финансовых механизмов в очередной раз подтвердилась во время мирового финансового кризиса 2008–2009 гг. [18, р. 15].

Невозможно отрицать, что своим экономическим успехам в мировой экономике Китай во многом обязан членству в международных финансовых и экономических организациях, в учреждении и работе которых главную роль играли и продолжают играть США. Между тем, для эффективного отстаивания своих экономических интересов и оказания реального влияния на процессы принятия решений, связанные с развитием мировой экономики, Китаю необходимо участвовать в тех международных институтах, где его голос будет иметь решающий вес. В данной связи Китай возлагает большие надежды на свои недавние инициативы по созданию паназиатских институтов в сферах денежно-кредитной политики, финансов и экономики, таких как Пул условных резервов стран БРИКС, Многосторонняя инициатива Чيانг Май, Новый банк развития БРИКС, Азиатский банк инфраструктурных инвестиций и др. Эти институты рассматриваются мировой общественностью как инструменты утверждения Китая в статусе ведущей евразийской и глобальной державы. При этом офи-

циальные лица КНР в своих заявлениях неоднократно обращали внимание на то, что вновь созданные институты представляют собой конкуренцию, а не альтернативу Бреттон-Вудским институтам. Таким образом, на данном этапе развития Китай не претендует на изменение неолиберальных принципов функционирования модели глобальной экономики.

Важным промежуточным итогом признания возрастающего влияния КНР в мировой экономике стало включение китайской валюты в корзину Специальных прав заимствования (СПЗ) Международного валютного фонда в ноябре 2015 г. Накануне саммита Группы двадцати, 24 марта 2009 г., руководитель Народного банка Китая Чжу Сяочуань выступил с заявлением, что международная резервная валюта наподобие СПЗ, в отличие от доллара, могла бы функционировать независимо от юрисдикции отдельных стран [19].

Предложение Китая получило определенный положительный отклик. МВФ, возглавляемый в то время французом Д. Стросс-Каном, принял решение о дополнительной эмиссии СПЗ. Обсуждалась возможность продажи всего золотого запаса МВФ для его обмена на СПЗ. Пекин выпустил первый заем государственных бумаг в юанях в Гонконге, начал активную скупку золота и заключение двусторонних соглашений по торговле в юанях. В 2011 г. МВФ опубликовал документ «Более прочная финансовая архитектура для завтрашнего мира» (<https://blogs.imf.org/2011/02/10/stronger-financial-architecture/>). МВФ предложил осуществлять в СПЗ расчеты за поставки определенных видов сырья, включая золото и нефть, а также создать резервную валюту и осуществлять выпуск облигаций в СПЗ (<https://www.imf.org/en/Publications/Policy-Papers/Issues/2016/12/31/Enhancing-International-Monetary-Stability-A-Role-for-the-SDR-PP4523>). Первоначально этот проект поддержали, помимо стран БРИКС, союзники США — Франция, Великобритания, Германия и Япония. Планировалось даже протестировать коммерческие операции в СПЗ в Ливии, которая имела крупный суверенный фонд. Однако в результате решительного протеста США, ливийской революции и ареста директора — распорядителя МВФ Д. Стросс-Кана этому проекту так и не суждено было перейти в практическую стадию реализации [20, с. 68].

Вместе с тем сохранение за долларом статуса основной мировой валюты порождает серьезные проблемы для полноценного включения Китая в процессы финансовой глобализации. МВФ определяет финансовую глобализацию как взаимосвязь стран через трансграничное владение финансовыми ак-

тивами, которая измеряется как отношение суммы иностранных активов и обязательств страны к ВВП (<https://www.imf.org/external/np/res/docs/2007/0607.pdf>). По сравнению с США степень влияния КНР на процессы финансовой глобализации является едва ощутимой — в 2017 г. доля юаня в деноминации международных депозитов, кредитов и облигаций составляла менее 0,1% (<https://www.ecb.europa.eu/pub/pdf/ire/ecb.ire201806.en.pdf>).

Таким образом, несмотря на значительное увеличение веса Китая в мировой экономике и включение юаня в валютную корзину СПЗ, доллар продолжает играть ключевую роль на мировом валютном рынке в расчетах по сделкам международной торговли товаров и услуг, а также выступать в качестве основной валюты при заключении внешнеторговых контрактов. Помимо этого, доллар служит главным резервным активом в портфелях центробанков (свыше 60%). В долларах США также деноминировано более 50% международных депозитов, кредитов и долговых обязательств.

ВЫВОДЫ

Страны с развивающимися рынками являются источником половины мировых сбережений и главными локомотивами экономического роста в обозримом будущем. Сегодня развивающиеся страны сформировали собственные «подушки безопасности» в виде региональных пулов валютных резервов или национальных стабилизационных фондов. Однако они вынуждены продолжать финансировать деятельность Бреттон-Вудских институтов, поддерживающих глобальный статус доллара как эталона стоимости. Косметические «реформы» Международного валютного фонда и Международного банка реконструкции и развития позволили сохранить США блокирующий пакет голосов в обоих институтах, а доллару — статус ключевой резервной валюты. Вследствие этого через каналы международного резервирования сбережения стран периферии перетекают в англосаксонский центр мировой финансовой системы, где ограничены возможности для их продуктивного размещения. Как следствие, трансформация сбережений в финансовый капитал усугубляет проблемы глобальных дисбалансов и усиливает риски коллапса однополярной, основанной на долларе мировой валютно-финансовой системы. Такое положение вещей актуализирует перед развивающимися экономиками стран БРИКС и ЕАЭС задачу по созданию альтернативных расчетно-платежных и резервных систем.

БЛАГОДАРНОСТЬ

Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финансового университета.

ACKNOWLEDGEMENTS

The article was based on the results of the research carried out at the expense of budget funds provided to the Financial University as part of the state contract.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Seghezza E., Morelli P. Rule of law and balance of power sustain US dollar preeminence. *Journal of Policy Modeling*. 2018;40(1):16–36.
2. Mundell R. Dollar standards in the dollar era. *Journal of Policy Modeling*. 2007;29(5):677–690.
3. Звонова Е.А., Кузнецов А.В. Институциональные подходы к монополизации мировой экономики и мировых финансов. *Философия хозяйства*. 2017;6(114):90–109.
4. Шиллер Р. Финансы и хорошее общество. Пер. с англ. М.: Изд-во Института Гайдара; 2014. 504 с.
5. Mundell R. Prospects for an Asian currency area. *Journal of Asian Economics*. 2003;14:1–10.
6. Кузнецов А.В. Проблемы интеграции России в мировую финансовую систему. *Мировая экономика и международные отношения*. 2015;(6):82–90.
7. Ротбард М. История денежного обращения и банковского дела в США: от колониального периода до Второй мировой войны. Пер. с англ. Челябинск: Социум; 2005. 548 с.
8. The financial crisis: unresolved. *The Economist*. 2018;(8Sept).
9. Altdörfer M., De las Salas Vega C.A., Guettler A., Löffler G. The case for a European rating agency: evidence from the Eurozone sovereign debt crisis. *Journal of International Financial Markets, Institutions & Money*. 2019;58(1):1–18.
10. Эйхенгрин Б. Непомерная привилегия: взлет и падение доллара. Пер. с англ. М.: Изд. Института Гайдара; 2013. 320 с.
11. Энгдаль Ф.У. Столетие войны: англо-американская нефтяная политика и Новый мировой порядок. Moscow: Selado Publ; 2014. 408 с.
12. Сорос Дж. Тезисы о глобализации. *Вестник Европы*. URL: <http://magazines.russ.ru/vestnik/2001/2/sor.html>.
13. Сорос Дж. Кризис мирового капитализма. Открытое общество в опасности. Пер. с англ. М.: ИНФРА-М; 1999. 262 с.
14. Das U.S., Papaioannou M.G., Trebesch C. Sovereign Debt Restructurings 1950–2010: Literature Survey, Data, and Stylized Facts. IMF Working Paper WP/12/203, August 2012. URL: <https://www.imf.org/external/pubs/ft/wp/2012/wp12203.pdf>.
15. Сильвестров С.Н. Совет по финансовой стабильности как четвертая опора глобальной финансовой системы. *Вестник Финансового университета*. 2014;(6):84–91.
16. Mundell R. The shift from G7 to G20 increased swings in major exchange rates and worsened their options. *Journal of Policy Modeling*. 2013;35(3):412–415.
17. Perskaya V., Eskindarov M. The Competitiveness of the National Economy under Multipolarity: Russia, India, China. Moscow: Economics; 2015. 190 p.
18. Wethington O., Manning R.A. Shaping the Asia-Pacific Future: Strengthening the Institutional Architecture for an Open, Rules-based Economic Order. Washington: The Atlantic Council. 2015. URL: https://www.atlanticcouncil.org/images/publications/Shaping_AP_Future_Digital.pdf.
19. Xiaochuan Z. Reform the International Monetary System. The People's Bank of China Speeches. March 23, 2009. URL: <http://www.bis.org/review/r090402c.pdf>.
20. Гишар Ж.-П. Китайская «партия-государство» и мультинациональные фирмы. М.: Новый Хронограф; 2017. 216 с.

REFERENCES

1. Seghezza E., Morelli P. Rule of law and balance of power sustain US dollar preeminence. *Journal of Policy Modeling*. 2018; 40(1):16–36. URL: <https://doi.org/10.1016/j.jpolmod.2017.09.004>.

2. Mundell R. Dollar standards in the dollar era. *Journal of Policy Modeling*. 2007;29(5):677–690. URL: <https://doi.org/10.1016/j.jpolmod.2007.06.004>.
3. Zvonova E.A., Kuznetsov A.V. Institutional approaches to the monopolisation of the world economy and world finance. *Filosofiya khozyaistva*. 2017;(6):90–109. (In Russ.).
4. Shiller R. Finance and the Good Society. Moscow: Gaidar Publ.; 2014. 504 p. (In Russ.).
5. Mundell R. Prospects for an Asian currency area. *Journal of Asian Economics*. 2003;(14):1–10.
6. Kuznetsov A.V. Problems of Russia's Integration into the Global Financial System. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya = World Economy and International Relations*. 2015;(6):82–90. (In Russ.).
7. Rothbard M. A History of Money and Banking in the United States. The Colonial Era to World War II. Chelyabinsk: Sotsium Publ.; 2005. 548 p. (In Russ.).
8. The financial crisis: unresolved. *The Economist*/ 2018;(8Sept).
9. Altdörfer M., De las Salas Vega C.A., Guettler A., Löffler G. The case for a European rating agency: evidence from the Eurozone sovereign debt crisis. *Journal of International Financial Markets, Institutions & Money*. 2019;58(1):1–18. URL: <https://doi.org/10.1016/j.intfin.2018.09.004>.
10. Eichengreen B. Exorbitant Privilege. The Rise and Fall of the Dollar. Moscow: Gaidar Publ.; 2013. 320 p. (In Russ.).
11. Engdahl W. Century of War: Anglo-American Oil Politics and the New World Order. Moscow: Selado Publ.; 2014. 408 p. (In Russ.).
12. Soros G. Globalization Theses. *Vestnik Evropy*. 2001;(2). (In Russ.). URL: <http://magazines.russ.ru/vestnik/2001/2/sor.html>.
13. Soros G. The Crisis of Global Capitalism: Open Society Endangered. Moscow: INFRA-M; 1999. 262 p. (In Russ.).
14. Das U.S., Papaioannou M.G., Trebesch C. Sovereign Debt Restructurings 1950–2010: Literature Survey, Data, and Stylized Facts. IMF Working Paper WP/12/203; August 2012. URL: <https://www.imf.org/external/pubs/ft/wp/2012/wp12203.pdf> (accessed on 01.04.2019).
15. Silvestrov S.N. Financial Stability Board as the fourth pillar of the global financial system. *Vestnik Finansovogo universiteta*. 2014;(6):84–91. (In Russ.).
16. Mundell R. The shift from G7 to G20 increased swings in major exchange rates and worsened their options. *Journal of Policy Modeling*. 2013;35(3):412–415. URL: <https://doi.org/10.1016/j.jpolmod.2013.03.002>.
17. Perskaya V., Eskindarov M. The Competitiveness of the National Economy under Multipolarity: Russia, India, China. Moscow: Economics; 2015. 190 p.
18. Wethington O., Manning R.A. Shaping the Asia-Pacific Future: Strengthening the Institutional Architecture for an Open, Rules-based Economic Order. Washington: The Atlantic Council; 2015. URL: https://www.atlanticcouncil.org/images/publications/Shaping_AP_Future_Digital.pdf. (accessed on 01.04.2019).
19. Xiaochuan Z. Reform the International Monetary System. The People's Bank of China Speeches. March 23, 2009. URL: <http://www.bis.org/review/r090402c.pdf> (accessed on 01.04.2019).
20. Gishar J.-P. Chinese “party-state” and multinational firms. Moscow: Novyi Khronograf; 2017. 216 p. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Алексей Владимирович Кузнецов — доктор экономических наук, старший научный сотрудник, профессор Департамента мировой экономики и мировых финансов, Финансовый университет, Москва, Россия
kuznetsov0572@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR

Aleksei V. Kuznetsov — Dr. Sci. (Econ.), Senior Researcher, Department of World Economy and World Finance, Financial University, Moscow, Russia
kuznetsov0572@mail.ru

Статья поступила 06.03.2019; принята к публикации 01.04.2019.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The article was received on 06.03.2019; accepted for publication on 01.04.2019.

The author read and approved the final version of the manuscript.

